

Буняева М.В.

В статье делается попытка приблизиться к рассмотрению эпистолярного дискурса А.П. Чехова, обращаясь к материалам личной переписки великого русского писателя. Представлено определение эпистолярного дискурса, а также его основных характеристик, через призму которых описаны некоторые письма Антона Павловича Чехова, представляющие большой исследовательский интерес. Доказывается принадлежность писем Чехова к эпистолярному дискурсу. Среди характерных особенностей чеховского эпистолярного дискурса показывается наличие и нерегламентируемых – «гибких», и не полностью стандартизированных, «полужестких» текстов, как результат пересечения формального и неформального круга общения писателя, а также использование оригинальных элементов письма.

Ключевые слова: эпистолярный дискурс, персональность, адресованность, референция к реальному миру, модальность реальности, повествовательный индикатив, имплицитность информации.

Как известно, письма Чехова представляют собой одно из самых значительных эпистолярных собраний в литературном наследии русских классиков, как в количественном, так и в качественном отношении. Во-первых, наследие писателя велико: в полное собрание его сочинений входит 4494 письма, а в архивах Чехова их около 10000. Во-вторых, тематика эпистолярного наследия Чехова многообразна: события личной жизни писателя; подробные дневники путешествий; календари работы над произведениями (особенно тщательно зафиксированы этапы создания некоторых пьес); литературные связи – с редакторами, издателями, писателями; общение с художниками, композиторами, актерами, театральными работниками; отклики на различные общественные, литературные и театральные явления; отзывы о критике; советы начинающим авторам. Чеховские письма являются образцом эпистолярного жанра; они не уступают по совершенству языка его художественным произведениям и, подобно им, способны доставлять подлинное эстетическое наслаждение [3].

Эпистолярный дискурс является образованием, включающим в себя два компонента: динамический процесс языковой деятельности, вписанной в ее социальный и коммуникативный контекст, и ее результат (т.е. текст) [4]. Переписка Антона Павловича представляет собой эпистолярный дискурс, поскольку общественная и личная жизнь Чехова, его врачебная практика, путешествие на Сахалин, от-

ношения с писателями (среди них старшим был Л.Н. Толстой, а младшими – Андреев, Куприн, Бунин и Горький), отзывы о сотнях прочитанных книг, история работы над собственными рассказами и повестями, над «Чайкой» и «Вишневым садом», история жизни, такой недолгой и такой содержательной, что, кажется, ни один день не был истрачен впустую, ни один час не прошел бесследно и зря – все отразилось в письмах [2]. Особенностью чеховского эпистолярного дискурса является факт пересечения формального и неформального кругов общения писателя. Эпистолярное общение (как, впрочем, и любое другое) по характеру можно подразделить на формальное и неформальное. Само понятие формальности предполагает, что общение между адресантом и адресатом будет решать какие-либо конкретные задачи, стоящие перед собеседниками и в целом выполнять функцию общения делового. Неформальное же общение характеризуется связями и отношениями уже эмоционально-психологического характера и, по сути, является своеобразной связью между корреспондентами, построенной на взаимном принятии личностных свойств и достоинств и предполагающей определенный уровень понимания, согласия, психологической близости собеседников.

Смешение формального и неформального кругов общения писателя показывает многогранность личностей самих адресатов чеховских писем: например, Марии Владимировны Киселевой, которая по праву

входит в число хороших знакомых Антона Павловича, и в эпистолярном общении с ней письма Чехова зачастую носят неформальный характер: «Пользуюсь правом сильного и отнимаю у сестры кусочек территории, чтобы, подобно Софочке, открыть Вам тайники моей души...» [5, Письма, Т. 1, с. 163]. В это же время необходимо учесть, что Мария Владимировна была известна как детская писательница, то есть ее по праву можно отнести и к формальному корреспондентскому кругу. Пример с М.В. Киселевой далеко не является исключением: брат Чехова, Александр Павлович, был не просто родственником великого писателя, но и довольно известным литератором, переписка братьев носила, следовательно, как неформальный характер, так и характер делового общения – Чеховы часто беседовали в письмах по вопросам литературной работы, так же часто Антон Чехов использует в письмах выражения совершенно не делового характера: «Брат наш мерзавец Александр Павлович! Первым делом, не будь штанами и прости, что так долго не давал ответов на твои письма» [5, Письма, Т. 1, с. 87]. Дмитрий Тимофеевич Савельев, являясь другом и соучеником Чехова, одновременно был врачом по образованию, как и Антон Павлович, что приносило в их дружбу некое «формальное разнообразие». Такие же примеры находятся при исследовании писем остальных корреспондентов.

В процессе рассмотрения и анализа писем писателя, таким образом, обнаруживается пересечение кругов его формального и неформального общения, причиной которого, с одной стороны, является принадлежность участников общения к интеллигентскому обществу всесторонне образованных и талантливых людей, зачастую имеющих не одну профессию. Но более глубокая причина, скорее всего, коренится в характере самого Антона Павловича, в его стремлении окружать себя такими людьми, в общении с которыми можно не придерживаться лишь формальностей или, напротив, только неформальных фраз и клише, а самому ловко выстраивать курс общения с каждым из корреспондентов. Намеренное и весьма искусное смешение формальных и неформальных позиций в общении создается Чеховым с помощью тонких стилистических приемов – соединением в одном письме деловых, дружеских, эстетических и других моментов. Чехов стремится ввести своих корреспондентов в плоскость дружеского неформального общения. Что же касается деловой части переписки, то она насыщается и интимно-дружескими, игровыми, очень часто юмористическими, шутивными коннотациями. Можно предположить, что такой стиль общения был для Чехова наиболее комфортным, и что это связано со стремлением обеспечить независимость даже в общении с теми людьми, от которых Чехов зависел.

Ниже будут рассмотрены и описаны некоторые письма Антона Павловича, наиболее интересные с точки зрения принадлежности эпистолярному дискурсу их автора. Дискурсивный анализ корпуса эпистолярных текстов А.П. Чехова устанавливает соответствие содержания писем эпистолярному дискурсу по ряду таких характеристик, как: персональность (выражается в перволичной повествовательной форме, а также в использовании имен собственных и личных местоимений для обозначения коммуникантов); адресованность письма (представляет собой конкретное, лично (либо косвенно) знакомое адресанту лицо; референция к реальному миру (характеризуется пространственно-временной локализованностью, актуализаторами которой выступают эксплицитно заявленные место и время написания письма, маркирующие момент речи адресанта); модальность реальности, или повествовательный индикатив (фактуальный режим повествования – необходимость излагать только то, что известно, с указанием источника информации); имплицитность информации (которая является следствием интимного характера эпистолярной коммуникации в частной сфере и отражает установку на персонального адресата, владеющего общим с адресантом фондом знаний) [4].

Одно из наиболее ранних писем писателя, написанное старшему брату Александру в марте 1881 г., имеет характер порицания, такая эпистолярная доминанта проявляется настроением Чехова, которое чувствуется в каждой строчке [5]. Письмо написано в довольно резкой форме, оно контрастирует с другими письмами брату; в нем идет речь о произошедшей ссоре между братьями, о причинах которой можно только догадываться («Будь ты хоть 100000 раз любимый человек, я, по принципу и почему только хочешь, не вынесу от тебя оскорблений»). О результатах возникшей ссоры свидетельствует следующая фраза: «Слово «брат», которым ты так пугал меня при выходе моем из места сражения, я готов выбросить из своего лексикона во всякую пору, не потому что я не имею сердца, а потому что на этом свете на всё нужно быть готовым. Не боюсь ничего, и родным братьям то же самое советую». Данное письмо вызывает особый интерес своей резкостью, хладнокровием автора, говорящем о поведении его в ситуации возникшего конфликта. Письмо показывает, что Чехов умел достойно выйти «из места сражения», выполняя роль старшего. Что касается принадлежности письма к эпистолярному дискурсу, то следует отметить, что по основным параметрам оно представляет собой согласованность всех основных характеристик – письмо датировано, адресовано родному брату, содержит перволичную форму обращения («Я, Антон Чехов, пишу это письмо, находясь в трезвом виде, обладая

полным сознанием и хладнокровием»), а о фактуальности и имплицитном характере письма говорит изложение Чеховым реально произошедших событий, хорошо известных адресату.

Первое письмо Чехова к издателю «Нового времени» А.С. Суворину, общение с которым для Антона Павловича имело, как известно, особое значение, датировано 21 февраля 1886 г. [5]. Это ответное письмо, в нем Чехов сообщает о получении суворинского письма и благодарит его за отзыв о работах, напечатание рассказа, за указания и мотивировку по поводу одного из произведений («Работаю я уже шесть лет, но Вы первый, который не затруднились указанием и мотивировкой»). Далее Чехов пишет о своем псевдониме «А. Чехонте», видимо, в ответ на мнение или вопрос о нем Суворина. Писатель сообщает о своей возможности работы в «Новом времени» и о благоприятных условиях работы – «...я радуюсь, что условием моего сотрудничества Вы не поставили срочность работы. Где срочность, там спешка и ощущение тяжести на шее, а то и другое мешает работать... Лично для меня срочность неудобна уже и потому, что я врач и занимаюсь медициной...». Здесь проявляется присущее Антону Павловичу стремление быть вне каких-либо рамок и ограничений, поступать по-своему в работе с редакторами и издателями. Далее Чехов говорит о достаточности назначенного гонорара и просит о распоряжении по высылке газеты. В окончании письма он сообщает об отправке очередного рассказа, но замечает о его длине и качестве: «На этот раз шлю рассказ, который ровно вдвое больше предыдущего, и... боюсь, вдвое хуже...». Такая концовка, по-видимому, служила Чехову, тонко чувствующему психологию людей, своеобразной проверкой Суворина: сначала заявляя о невозможности срочной работы, а затем, предупреждая о своем рассказе, писатель по ответному письму Суворина, возможно, намеревался понять, каким образом пойдет их дальнейшее сотрудничество. Рассмотренное сообщение об особенностях своей литературной работы относится к эпистолярному дискурсу по ряду характеристик: адресованности (Суворин как лично знакомое адресанту лицо), персональность данного эпистолярного текста выражена в перволичной повествовательной форме и обозначением адресата именем собственным – «Милостивый государь Алексей Сергеевич!» и использованием местоимений «Вы», «Ваше», «Вас» и др. О характеристиках референции и модальности свидетельствует повествование адресанта о реальных событиях, а об имплицитности говорит факт разделения Чеховым мнения Суворина, а также заранее оговоренный гонорар.

Самое известное и представляющее наибольший исследовательский интерес в эпистолярном наследии

Чехова письмо адресовано писателю Д.В. Григоровичу 28 марта 1886 г. [5]. Этот эпистолярный текст уникален тем, что представляет собой исповедь писателя в ответ на письмо к нему Григоровича, который первым разглядел в Чехове настоящий писательский талант. Чехов пишет, называя Григоровича добрым, горячо любимым благовестителем, избранником, что пришедшее письмо поразило его как молния: «Я едва не заплакал, разволновался и теперь чувствую, что оно оставило глубокий след в моей душе. Как Вы приласкали мою молодость, так пусть бог успокоит Вашу старость, я же не найду ни слов, ни дел, чтобы благодарить Вас». Антон Павлович оценивает письмо Григоровича выше всякого диплома, как гонорар за настоящее и будущее. Далее Чехов сообщает причины, по которым он ранее не ценил в себе литературного дара, причины эти внешние: снисходительное мнение близких и знакомых, профессия врача, отнимающая время и силы. Интересный факт: Чехов признается, что не помнит рассказа, на написание которого у него ушло бы более суток, говорит, что пишет он полубессознательно. Антон Павлович признается: «Не помню я ни одного своего рассказа, над которым я работал бы более суток, а «Егеря», который Вам понравился, я писал в купальне! Как репортеры пишут свои заметки о пожарах, так я писал свои рассказы: машинально, полубессознательно, нисколько не заботясь ни о читателе, ни о себе самом... Писал я и всячески старался не потратить на рассказ образов и картин, которые мне дороги и которые я, бог знает почему, берег и тщательно прятал». Эта бессознательная, спонтанная работа Чехова, которая велась им и в реальном общении и эпистолярном мире писателя, подтверждается его современником, фельетонистом, драматургом и критиком А.В. Амфитеатовым: «Чтобы чужая мысль могла быть принята, одобрена и усвоена Чеховым, она должна была совпасть с настроением и работой его собственной мысли. А работа эта шла постоянно, непрерывно и... таинственно. Кому из работавших с Чеховым не известно, что он иногда на прямо обращенные к нему вопросы и недоумения отвечал странным, ничего не говорящим взглядом, либо еще более странными, шуточными словами? Кому, наоборот, не случалось слышать от него произносимые среди разговора внезапные, загадочные слова, которые повергали собеседника в недоумение: что такое? с какой стати? – а Чехова вгоняли в краску и конфуз? Это разрешалась вслух, в оторвавшейся от окружающего мира сосредоточенности, долгая и упорная, безмолвная внутренняя работа писательской мысли над вопросом, когда-нибудь не нашедшим себе ответа, над образом, не нашедшим себе воплощения» [1]. Первое, что толкнуло к самокритике Чехова, по его признанию – это письмо к нему Суворина, а письмо Григоровича оказалось поворотным в судьбе

молодого писателя. Чехов соглашается с замечаниями Григоровича и обещает в свое время избавиться от срочной работы, «выбиться из колеи». Он пишет, отвечая на просьбу Григоровича (это дает письму имплицитную характеристику), о невозможности перемены подписи новой книги и признается, что она ему не нравится. Далее Чехов пишет, вспоминая о своем возрасте, что вся надежда на будущее, хотя «время летит очень быстро». Это не простая оговорка, о скоротечности времени Чехов будет говорить и позднее в письмах к значимым для него людям. В конце письма Антон Павлович просит своего нового наставника и учителя, каким стал для него Григорович, прислать фотокарточку, просит извинения за длинное письмо: «Простите за длинное письмо и не вменяйте человеку в вину, что он первый раз в жизни дерзнул побаловать себя таким наслаждением, как письмо к Григоровичу». Несомненно, таким волнительных и исповедальных писем Чехов не писал больше никому, именно этим своим качеством письмо представляет большой исследовательский интерес. Оно принадлежит эпистолярному дискурсу, характеризуясь персональностью (использование адресантом местоимений для обозначения адресата – «Вы», «Вас» и пр.), адресованностью (Чехов не знал Григоровича лично, но косвенно), референцией к реальности и модальностью (адресант в эпистолярном тексте передает фактическую информацию, имеющую место в реальности – например, сообщение о новой книге).

Характерные особенности рассмотренных эпистолярных текстов, оригинальность структурно-композиционного построения эпистолярия (наличие и не регламентируемых – «гибких», и не полностью

стандартизированных, «полужестких» текстов, как результат пересечения формального и неформального круга общения Чехова), а также использование оригинальных элементов письма (политематичность, полифункциональность, доверительность и эмоциональная окрашенность) – все это подтверждает вывод о том, что переписка А.П. Чехова представляет собой эпистолярный дискурс, имеющий самостоятельное значение в жизни и творчестве писателя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Амфитеатров А.В. Антон Чехов и А.С. Суворин. Ответные мысли // URL: <http://dugward.ru/library/sodlib.html>
2. Громов М.П. Вступительная статья // Переписка А.П. Чехова. В 2-х томах. Том 1. – М.: Художественная литература, 1984.
3. От редакции // Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти тт. Письма: В 12-ти тт. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1974–1983 гг. – Т. 1. Письма, 1875–1886. – М.: Наука, 1974.
4. Подъяпольская О.Ю. Коммуникативно-прагматические особенности эпистолярного дискурса // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: сб. ст. участников IV междунар. науч. конф. Т. 1. – Челябинск: ООО «Издательство Рекпол», 2008.
5. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30-ти тт. Письма: В 12-ти тт. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М.: Наука, 1974–1983.